

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И КОНТУРЫ НОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КАЗАХСТАНА

Преамбула Поиск новых алгоритмов изучения прошлого определил формирование современных установок

сознания ученых-гуманитариев. Пожалуй, этим можно объяснить смену номотетического подхода в исторических исследованиях, представленного в советской историографии марксистской его интерпретацией по преимуществу исследовательским выбором феноменологического направления исторического исследования – попытке понять человека прошлого и в этой плоскости проводить интерпретацию исторического явления.

Центральной проблемой стало изучение человека во всем многообразии его проявлений. Тут в качестве методологии выступает положение цивилизационного подхода о выявлении самоценности общества, его места в мировой истории и культуре. Обоснование национальной модели исторического сознания путем интерпретации своего прошлого через автохтонные механизмы исторического поведения нации [1, с. 8, 12-25] следует рассматривать как расширение вектора культурно-исторических и антропологических исследований.

В то же время реконструирование фактов, самих событий уже не является целью или результатом работы: исследовательский дискурс заключен в изучении социальной психологии как внутреннего механизма функционирования и поведения общества на историческом отрезке времени. На этом фоне достаточно симптоматичными выглядят различные толкования о самом предмете истории. Еще в конце 1980-х начале 1990-х гг. прошли серьезные теоретические дискуссии в ряде международных академических изданий: «History and Theory», «American Historical Review» [2, с. 214-223]. Предметный разговор не обошел и русскоязычный сектор научных журналов: «Общественные науки и современность», «Отечественная история» и другие.

Знаковой переменной можно назвать стремление придать научность истории путем интеграции исследовательской работы историка в методологию точных наук, где базовым конструктом теории и выводов ученого выступает принцип верификации полученных данных. Однако в отличие от естественных наук, история не имеет в арсенале средств эксперимента: даже самое основательное исследование может получить только фрагмент, отблеск прошлого. Но развитие идеи в истории можно проследить, даже имея фрагментарный материал. Таким образом, историк получает не образ происшедшего самого по себе, а образ его восприятия и мысленной переработки [3, с. 445]. Иначе говоря, воссоздание цельной картины исторического прошлого всегда основано на отрывочных, дискретных сведениях, получаемых из исторического источника как «реализованного продукта человеческой психики» [4, с. 54]. Последним, собственно, и объясняется, стремление к выведению особых, в отличие от естественных наук, критериев научности исторического исследования. «Поскольку субъективизм («наполнение определенным смыслом... фактов и событий прошлого»), ...чаще всего расходится с объективным ходом общественно-исторического развития, постольку объем истинного объективного знания... будет относиться лишь к фактам, отражающим явления реальности, а не к ее сущности» [5, с. 260].

Общей платформой озвученных концепций выступает постулат об отсутствии четкой дистанцированности субъект-объектных отношений в процессе исторического исследования, когда «...мы не произвольно подгоняем взгляды и условия прошлого к нашему собственному настоящему и передаем, таким образом, наше понимание прошлого» [3, с. 237]. Признавая взаимную связь и обусловленность совершающихся в общественной жизни событий, М. Блок мотивировал необходимость исторического подхода ко всем социальным явлениям, рассматривая историю как совокупность эволюционных изменений [6, с.8-14]. Утверждение о том, что в исследовании социальной эволюции выражается суть исторического мышления, обосновывает необходимость изучения исторического многообразия социальной действительности [7, с. 27].

Тут можно выделить две составляющие, которые способны выступить интегративной основой для казахстанской историографии: это признание расширения проблематики исторических исследований как важнейшего показателя прогресса исторической науки и на этой базе формирование новых исторических субдисциплин. Очевидно, что теоретико-концептуальной основой будет выступать исследовательский потенциал анналистов, как ее основоположников М. Блока и Л. Февра, так и поздних представителей Ф. Броделя и Ж. ле Гоффа. Если же трактовка исторического процесса учеными, причастными к «школе Анналов» на всех этапах ее существования, отличалась критикой представлений об истории как событийно-описательной или «объясняющей», то в отличие от французской исторической школы, гносеологическая рефлексия казахстанских исследователей нам представляется как гармоничное сплетение идей постмодернизма, синергетики, и, собственно, «школы Анналов». Последнее, в свою

очередь, позволит иначе взглянуть на предметное поле исторических исследований и как следствие

– изменение отношения исследователя к источникам как гносео-эвристическим и культурологическим установкам прошлого, что уже получает место в историко-источниковедческих коллективных и моно-графических исследованиях [8-13].

Паттерны прошлого и современность: системность научных ризом

Одной из актуальных проблем фундаментальной исторической науки выступают теоретико-методологические проблемы исторического познания становления и развития государственной независимости Казахстана. В данном аспекте задача состоит не в том, чтобы дать простой фактологический анализ распада империи и возникновения не ее месте малых государств с идентичной предопределенностью судеб. Феномен Казахстана в том и состоит, что вопреки ожиданиям глубокого экономического коллапса и, как следствие, внутренней детонации полиэтнического социума, страна сумела бескровно и почти без всплесков гражданского неповиновения пройти труднопреодолимый путь признания государства в международном сообществе как равноправного члена. Даже тот короткий отрезок времени, за который республика состоялась как суверенное государство, лишний раз свидетельствует о том, что, с одной стороны, происходит осмысление истории как единого всемирного процесса, а, с другой – все более подчеркивается локальность всякого исторического знания.

К настоящему времени остро назрела необходимость наполнения содержания казахстанской модели развития в новейшее время реальным научно-историческим знанием, которое состояло бы в установлении главных причин и факторов успешности преодоления постимперского этапа и выхода Казахстана на магистраль самодостаточности. В ряду приоритетных задач можно выделить следующие:

- унитарный характер государственного строительства как гаранта целостности страны;
- формирование казахстанского социума не как новой этнической общности, а как общности граждан разных национальностей на основе их гражданского самоопределения;
- модернизация народнохозяйственного комплекса;
- обусловленность проведения поэтапных политических реформ по фарватеру экономического благоприятствования;
- становление Казахстана как реально действующего актора на международной арене.

Не секрет, что по данным направлениям, равно как и по другим аспектам новейшей истории отечества ведется ожесточенная борьба мировоззрений не только среди радетелей и недоброжелателей, но и между настоящими патриотами страны. Во многом это обусловлено фрагментированным историческим знанием о недавнем прошлом. Поэтому задача официальной исторической науки видится в создании целостной картины отечественной истории конца прошлого и начала нынешнего столетия во всем ее многообразии. При этом необходимо выявление структурных моментов развития казахстанского общества. Это позволит представить историю как особую сферу, наделенную своей бытийной спецификой, а с другой – показать ее упорядоченность и, соответственно, изобразить ее как нечто понятное и рациональное.

В настоящее время подобный концептуальный анализ объективного исторического процесса невозможен без учета общемировой тенденции интернационализации всех сторон жизни. Для Казахстана в данном случае он обуславливается сопряжением двух составляющих: движения в сторону глобализации и приверженности Республики Казахстан идеям нового евразийства. Историческая наука в этом отношении уже сыграла важную роль в качестве мобилизующего общественное сознание фактора. Особенность момента состояла в том, что на вызовы современности по унификации социокультурных процессов она предложила парадигму вхождения в будущее общечеловеческой цивилизации на основе сохранения имманентных черт и национальной самобытности. Одновременно она выступила против цивилизационного противостояния Востока и Запада, континентализма и атлантизма.

В данном контексте задача историков состоит в модернизации этих двух понятий от уровня некогда «мессианской роли» и «особого мироощущения» до понятных всем сентенций полицентрического мира. В пространственно-временном измерении это означает, что глобализация в историческом измерении коррелирует не с новыми империями и мировыми жандармами, а с сухопутными торговыми маршрутами по странам-сателлитам Великого Шелкового пути, не с хронологией и картографией завоевательных походов, а с кросс-культурным взаимообогащением и культивацией общемировых гражданских ценностей. Методологические подходы здесь далеко не беспроблемны, особенно в вопросе

о взаимоотношениях между восточной и западной цивилизациями. Роль историков в данном случае найти точки соприкосновения между социально-культурными реалиями, геополитическими интересами и современными ценностно-нормативными приоритетами на основе истории народов евразийского субконтинента. При этом следует учитывать и тот факт, что эскалация национальных и этнических проблем во многом явилась реакцией на тенденции нарастающей унификации духовной и материальной культуры в условиях глобализации. Историческая наука Казахстана в этом отношении может не

противопоставить себя западной техногенной цивилизации, а выступить ее равным партнером, продолжая вносить, но уже в более интенсивном режиме, в копилку мировых ценностей веками копившийся духовно-культурный потенциал общежития и толерантности. Обуславливается это тем, что в глобальном знании не может быть объекта без субъекта познания и что целостность мира, человечества предполагает в своей основе взаимозависимость образов и сущностей этой целостности.

Историческое знание: звенья исследовательских новаций

Крушение советской системы, как никогда ранее, актуализировало потребность в ретроинформации как в силу необходимости лучше познать современность, так и как воплощение преемственности исторического процесса. Понимание того, что история как прошлое находится в тесной связи с современностью, интегрирована и тесно переплетена с ней, находит отражение в общественных, экономических, социальных, культурных, политических процессах современности.

Приоритеты исследования при понимании исторических процессов определили два фундаментальных вектора исторической эпистемологии: принятие априори идеи обособленности гуманитарного знания и свойственных ему особой эмпирики как доказательной основы исследований с обязательными элементами визуализации результатов работы, и второе – использование методов точных наук как вероятностный подход объективности и научности исторического исследования.

Последнее часто связывают со сциентизацией истории, проведением междисциплинарных исследований и возникновением на этой основе новых исторических субдисциплин: психоистория, история ментальностей, гендерная история, клиометрия и т.д. «Методологическая революция» 60-70-х гг. XX века в западной историографии, в 1970-1980 годы получила продолжение в работах И.Д. Ковальченко, с именем которого заслуженно связывают становление советской школы квантитативной истории, активной интеграции исторических исследований в методологию естественнонаучных дисциплин.

Особенностью современного этапа истории выступает тесная интегрированность, а порой – зависимость протекания исторических процессов от информационных технологий как ключевого базиса пост-индустриального развития общества. По выражению того же М. Кастельса, информационные технологии формируют не только образ современного общества, но определяют модели поведения и особенности его развития [14, с. 23-51]. Фундаментальная черта, которую привнесли в общество информационные технологии – интеграция как стирание физических границ и идеологических барьеров, привносит в исследование процессов современной истории целый комплекс несвойственных традиционной истории терминов, категорий и положений, без которых понимание современной истории порой становится невозможным.

Информационные процессы в историческом прошлом, как срез историко-тематического вектора исследований, получают ныне свое логическое развитие. При этом предлагают различные интерпретации самого исследовательского нарратива: от применимости теории информации в истории до использования синергетики как общей методологии исследований [15-16]. Гносеологический тезис выстроен на определении задач исторического исследования. Точнее, представления о том, что поскольку исследование прошлого базируется на информации как таковой, то и соответственно, данная категория должна выступать интегративной основой исследовательского посыла анализа исторических процессов. Все социальные процессы, связанные с хранением, передачей, переработкой социальной информации в прошлом, должны быть проанализированы с точки зрения их информационного содержания, материализации значения, знакового выражения, различий интерпретаций [17, с. 6].

Источниковедческая эвристика выстроена в рамках инновационных представлений о формах и возможностях анализа содержания источника исторической информации, которое материализовано в электронной форме. Рефлексия познания выражена как перенос акцентов на процессы функционирования, трансформации исторического источника в социокультурном контексте.

Эволюция машиночитаемых источников в новый, электронный формат и обособление последних как самостоятельной формы источников, расширяет информационные координаты исторических исследований в Казахстане. Пристальный интерес, проявляемый государством и обществом к своей истории, особенно актуализирует постановку вопроса анализа исторического процесса как многовариантной интерпретации исторической действительности. В этом контексте электронный источник отражает многообразие информационного потока о процессах и явлениях в современной истории Казахстана, выступает репродукцией состояния и динамики исторической компоненты, содержательно отраженной во множестве однопорядковых, взаимообусловленных векторов синергий посредством ее материализации через цифровую среду.

Информационное обеспечение гуманитарной науки Казахстана напрямую связано с исследованием специфики исторического мышления, поиском научных методов постижения исторического процесса в контексте философии истории. Не секрет, что до сегодняшнего времени специалисты-гуманитарии не в состоянии оперировать научным инструментарием, наработанным в мире за годы советской изоляции. И

даже сегодня информация о мировых достижениях доходит до них опосредованно, порой через тенденциозно интерпретирующие каналы. Между тем, информационный ресурс общества наряду с природным и техногенным становится цивилизационнообразующим фактором.

Небывалый рост исторических источников массового характера, характеризующих массовые явления и процессы, содержат как качественную, но в большей степени, количественную информацию. Это статистические материалы и данные конкретно-социологических обследований, делопроизводственная документация различных учреждений и организаций, документы личного учета и многие другие. Многообразие таких источников, получивших название «массовые», поставило перед теоретическим и прикладным источниковедением проблему выработки комплексного, интегрального подхода к их изучению.

В качестве общенаучной методологии источниковедческого исследования в данном случае выступает теория информации, которая позволяет классифицировать исторические источники: по целям создания, по способам фиксации информации, по каналам передачи, по формам отражения информации, по объекту отражения информации, по целевому назначению информации, по методам и принципам фиксации информации, по содержанию и характеру информации. Информационная деятельность как процесс производства, распространения, хранения и использования информации реализуется через многообразие средств, способов, носителей социальной информации. Вкупе вся совокупность их представляет собой особый источник исторических данных, специфика появления и формирования которых обуславливает и соответствующие подходы и приемы исследования.

Вместе с тем, до сих пор в изучении информации преобладает технократический подход, сужающий понимание сущности информации, ее роли в развитии общества. Попытки синтеза представлений об информации, способах анализа ее жизнедеятельности, роли в системе коммуникаций требуют усиления междисциплинарности и поиска общенаучного метода. Подобный синтез подходов к изучению информации возможен лишь в гуманитарной сфере, в сфере исторического знания, что предполагает расширение объекта исследования и обновления методов источниковедческих, что в свою очередь, приводит к усложнению структуры источника, увеличению их количества и видов по мере развития общества и возникновения новых способов информации.

Научно-историческое описание новой формы информационной деятельности общества видится в двух исследовательских аспектах: в историко-описательном хронологическом срезе как социальной действительности; в источниковедческой традиции как предметного пространства способов объективации и приемов извлечения контекстных данных в динамике анализа коммуникативного воздействия на социальные процессы в истории.

Литература

1. Назарбаев Н.Ә. Тарих толқынында. – Алматы: Атамұра, 2003. – 288 б.
2. Кунина А.Е. Проблемы методологии в журнале «История и теория» (США) // Новая и новейшая история. – 2001. – № 5. – С. 214-223.
3. Дройзен И.Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2004. – 579 с.
4. Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Методология истории: Учебное пособие. – М.: Изд-во РГГУ, 1997. – 72 с.
5. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 1987. – 438 с
6. Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М.: Наука, 1986. – 255 с.
7. Иванов В.В. Соотношение истории и современности как методологическая проблема. – М.: Наука, 1973. – 288 с
8. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: Изд-во РГГУ, 1998. – 701 с.
9. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – 797 с.
10. Есмағамбетов К.Л. Әлем таныған тұлға: М. Шоқайдың дүниетанымы және қайраткерлік болмысы. – Алматы: Дайк-Пресс, 2008. – 504 б
11. Қинаятұлы З. Қазақ мемлекеті және Жошы хан. – Астана: Елорда, 2004. – 344 б.
12. Ермұқанов Б. Қазақстан: тарихи-публицистикалық көзқарас. – Алматы: Ғылым, 2000. – 248 б.
13. Современное состояние и перспективы развития исторической науки Казахстана и России: Сборник материалов международной научно-практической конференции / Под ред. С.Ф. Мажитова. – Алматы: Тарих тағылымы, 2008. – 424 с
14. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Мир России. – 2000. – №1. – С. 23-51
15. Бевзенко Л.Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. – Киев: Ин-т социологии НАН Украины, 2002. – 437 с.
16. Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. – М. ИФРАН, 1999. – 203 с.

Хвостова К.В., Бородкин Л.И. Роль информации в историческом прошлом // Роль информации в формировании и развитии социума в историческом прошлом. – М.: ИВИ РАН, 2004. – 326 с. – С. 5-8

